

Исследовательская статья

УДК 913

DOI: 10.24412/2076-9091-2026-161-65-83

Лариса Николаевна Стрючкова

Клуб исследователей Таймыра,
Норильск, Россия

ТОПОНИМИЯ ТАЙМЫРА КАК ИНДИКАТОР ГЕОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация. Топонимика Таймыра — практически неизученная область междисциплинарных исследований. На фоне возродившегося интереса Российского государства к Арктике особо актуальным представляется интенсификация работ по ликвидации пробелов в комплексе научных познаний об этом важном регионе, в том числе и по расшифровке смыслов, закодированных в топонимии территории, содержащей отраженный в ней опыт жизнеобеспечения и устойчивого развития. С помощью картографических, сравнительно-географических, лингвогеографических и других методов на конкретных примерах показано, что существует безусловная связь между процессами, сопровождавшими освоение и заселение севера Средней Сибири, и наименованием его географических объектов. Показано, каким образом и как именно можно идентифицировать зашитые смыслы в топонимах, которые являются ничем иным как ментальными памятниками. Особенно важно проследить эту связь на территории, где материальные памятники культуры, в силу объективных причин: суровость климата, недоступность, — практически отсутствуют. В данной работе впервые выявлена роль топонимического подхода для Таймыра, в том числе и в исследовании геокультурного пространства; выполнено топонимическое районирование, показана прямая связь между наименованием географических объектов в процессе освоения территории и семантическим отражением заложенных в их названиях смыслов. Таким образом, топонимы Таймыра выступают в роли индикаторов событий и процессов, сопровождавших формирование геокультурного пространства самого северного из российских арктических регионов.

Ключевые слова: Таймыр, топонимика, геокультурное пространство, районирование, коренные малочисленные народы Севера

Research article

UDC 913

DOI: 10.24412/2076-9091-2026-161-65-83

Larisa Nikolaevna StryuchkovaTaimyr Research Club,
Norilsk, Russia**TAIMYR TOPONYMY AS AN INDICATOR
OF GEOCULTURAL SPACE**

Abstract. The toponymy of Taimyr is an almost unexplored area of interdisciplinary research. Against the backdrop of the Russian state's renewed interest in the Arctic, it is particularly relevant to intensify efforts to fill the gaps in scientific knowledge about this important region, including deciphering the meanings encoded in the toponymy of the territory, which reflects the experience of life support and sustainable development. Using cartographic, comparative-geographical, linguo-geographical, and other methods, specific examples are used to demonstrate that there is an unquestionable connection between the processes that accompanied the development and settlement of the northern part of Central Siberia and the naming of its geographical features. The article shows how and in what way it is possible to identify the hidden meanings in toponyms, which are nothing more than mental monuments. It is especially important to trace this connection in the territory where, due to objective reasons — harsh climate, inaccessibility — there are practically no material cultural monuments. In this work, for the first time, the role of the toponymic approach for Taimyr is revealed, including in the study of geocultural space, toponymic zoning is performed, and the direct connection between the naming of geographical objects in the process of territory development and the semantic reflection of the meanings embedded in their names is shown. Thus, the toponyms of Taimyr act as indicators of the events and processes that accompanied the formation of the geocultural space of the northernmost Russian Arctic region.

Keywords: Taimyr, toponymy, geocultural space, zoning, indigenous peoples of the North

Введение

Таймыр — самая северная часть материковой суши в мире. Неблагоприятный для круглогодичного оседлого проживания климат, практическая невозможность сухопутного передвижения в большом временном отрезке в течение годового цикла определили позднее в историческом и экономическом аспектах освоение территории, а появление оседлого населения здесь датируется только началом XVII века [4]. Те же причины — малодоступность и жесткий климат — явились факторами малой изученности до сегодняшнего дня этого региона Российской Арктики. И это утверждение справедливо для всех областей науки.

Степень изученности топонимии Таймыра и вовсе остается неудовлетворительной. Единственными системными исследованиями можно назвать работы доктора географических наук А. М. Малолетко [8–10], которые в основной

своей массе касались северных отрогов плато Путорана, являющихся южной оконечностью исследуемого региона. Для побережья Северного Ледовитого океана, к которому относятся моря, омывающие северные берега полуострова, — Карское и Лаптевых, — существуют выборочные статистические данные по географическим названиям, собранные в несколько словарей разного объема и информационной насыщенности. Остальные немногочисленные работы носят научно-популярный характер и, как правило, содержат простое перечисление возможных лексических соответствий с языками тех этносов, которые сегодня проживают на Таймыре. Запад, восток и срединный Таймыр никогда не были охвачены систематическими исследованиями в области топонимики.

Очевидно, что во время активного освоения какой бы то ни было территории возникает интерес к происхождению географических названий. Ведь топонимы являются своеобразными ментальными, нематериальными следами предыдущих поколений, маркерами исторических событий и этнографической картины того или иного региона.

В свете активного развития в последнее время такой научной дисциплины, как культурная география (или география культуры), представляется правомерным исследовать нематериальную культуру полуострова Таймыр в аспекте топонимии как информационного кода, в котором зашиты историко-экономические нарративы, традиционные культурологические смыслы, свойственные человеческой цивилизации, являющейся слепком, отражением геокультурного пространства.

Возвращение интереса Российского государства к Арктике после многих лет забвения, последовавших за сменой общественно-политической формации, делает особенно актуальным исследование самого сложного в освоении и заселении региона страны. Таймыр в этом отношении является наиболее недоступным и малоизученным. Выявление связи между топонимией региона и опытом освоения прошлыми поколениями данной территории может дать ответы на многие вопросы, возникающие на современном этапе, в дальнейшей трактовке основ жизнеобеспечения и устойчивого развития Российской Арктики, зашифрованных в топонимии предыдущими насельниками и первооткрывателями.

Материалы и методы исследования

В данной работе были использованы следующие методы: географические, картографические, сравнительно-лингвистические, лингвогеографические (сопоставление ландшафтных реалий и их семантическое соответствие названиям географических объектов), статистические и др. Для анализа за основу взята топографическая карта с сайта loadmap.com масштаба 1 : 500 000 (в одном сантиметре 5 километров; именно такой масштаб наличествует на всех участках исследуемой территории). Было проанализировано более 5 000 топонимов.

Результаты исследования

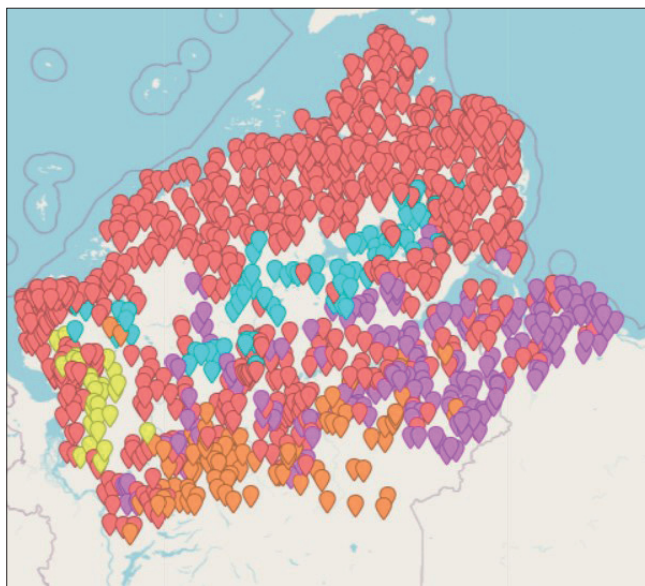
Обе научные дисциплины — и география культуры, и топонимика — достаточно молодые. И если топонимика стала складываться как самостоятельное направление в 1960-х годах¹, то культурная география получила свое активное развитие только в последние два десятилетия [12]. Отличительной особенностью обоих направлений является междисциплинарность. Для топонимики это общепризнанно — география, история и лингвистика, а для культурной географии — симптоматично. Современные исследователи отмечают топонимику среди различных смежных научных гуманитарных дисциплин [2]. Важно и то обстоятельство, что топонимы опознаются в качестве ментальных памятников культуры, наряду с культурными традициями, фольклором и т. д. [3]. В отношении Таймыра это становится наиболее значимым, так как сохранившихся материальных памятников на территории не очень много. Речь идет не только о материальной культуре коренных малочисленных народов, но и об остатках каких-либо строений, жилых или производственных артефактов — слишком велика разница в соотношении площади региона и его освоения человеком. Впрочем, и до появления на Таймыре оседлых жителей заходы сюда людей всегда были сезонными и спорадическими [11]. Это обусловлено суровым климатом и труднодоступностью региона, каковым Таймыр является и сегодня.

Топонимика такого большого и неоднородного во многим смыслах региона также со многих точек зрения неоднородна по своему составу. В результате исследования автором была составлена карта-схема с помощью интернет-ресурса nakarte.me. Для этого использовались цветные маркеры, различающие топонимы по происхождению из того или иного языка, носители которого сегодня проживают на Таймыре. В результате получилось, что исследуемая территория имеет ярко выраженную ориентацию по сторонам света в соответствии с языковой идентичностью носителей основных групп, населяющих регион (рис. 1).

Так, запад Таймыра отличается от остальных районов наличием топонимов ненецкого происхождения (желтый цвет), юго-запад — эвенкийского (оранжевый), юго-восток Таймыра — тюркской языковой группы (фиолетовый цвет), район предгорий Бырранга опознается по топонимии как исторический ареал нганасанского этноса (бирюзовый цвет). Русские топонимы, безусловно, как принадлежащие языку титульной нации государства представлены по всему пространству, но внушительный по размерам, окрашенный в красный цвет русской субъектности север Таймыра фиксирует определенный характер освоения этой территории. И, что особенно важно, географически часто совпадает с естественными преградами на исследуемой территории.

При этом наблюдается достаточно много разнородных включений в условно срединном Таймыре — там представлены практически все языковые

¹ Жучкевич В. А. Общая топонимика. Минск, 1968. 288 с.

Источник: составлено автором.

Рис. 1. Скриншот результатов дифференциации топонимии Таймыра с помощью цветных поинтов посредством ресурса nakarte.me

группы, за исключением ненецких топонимов. Анализ такой фронтальной характеристики позволяет считывать многие данные, повлиявшие на формирование геоэтнокультурных систем и в конечном счете на геокультурное пространство как таковое.

Так, распределение ненецких топонимов практически точно совпадает с картой распространения ареалов домашнего оленеводства у этого народа (рис. 2). Именно там, где на правобережье Енисея нанесены части ареала, который в основном расположен на левобережье, появляются топонимы с ненецкими формантами.

Такую же закономерность мы наблюдаем и в распространении эвенкийских топонимов — совпадение с ареалом, где проходили миграционные пути той части популяции дикого северного оленя (ДСО), которая называется таймырской [7], что и позволило тунгусам (и пешим охотникам на ДСО, и кочевникам-оленеводам) освоить территорию — исключительно благодаря наличию здесь этого животного, основы их жизнеобеспечения.

Обращаем внимание на отсутствие каких-либо иных, кроме русского происхождения, топонимов на севере Таймыра, в связи с приведенной картой-схемой районов домашнего оленеводства: особенности выпаса и приенисейской, и таймырской популяции ДСО объясняют эту особенность. Добавим комментарий специалиста-биолога, которым была снабжена приведенная схема: на самом севере полуострова стада ДСО в летний период имеют малую скученность, рыхлость и большую подвижность. Это обуславливает весьма малое отрицательное воздействие дикого северного оленя на пастбища

Показательна территория над и под $72^{\circ}20'$ с. ш., параллельно которой идет очередной меандр Пясины — на левобережье еще самодийские названия (Сыруда и Сюдымитари (-*тари* — нганасанский формант, обозначающий «протока»), а на правобережье — Алы-Юрях (которая, в свою очередь, вытекает из Алы-Кюеля), Арылах и другие аналогичные гидронимы, являющиеся уже долганскими.

Далее, если мы вернемся на запад Таймыра и будем следовать карте распространения ареалов домашнего оленеводства у ненцев, мы увидим, что именно там, где на правобережье Енисея нанесены части ареала (основная часть которого приходится на левобережье), и появляются топонимы с ненецкими формантами. И чем южнее от реки Ащяха, тем их больше, вперемешку с русскими названиями и редкими палимпсестами: Росляковская (рус.), Мунгуй (палимпсест), Муксуниха (рус.), озеро Ярьяхато (нен., возможно, от *яра* — «сухой, песчаный берег»), озеро Мелкое Торове (*торава* в ненецком языке тоже означает «мель»).

Еще дальше на юге правобережья Енисея встречаются в основном ненецкие топонимы: Сидяха (Раздваивающаяся, или, по аналогии с русскими гидронимами, Рассоха — от *сидя* — нен. — «раздваиваться»), Ханавэйяха (Соколиная река, от *ханавэй* — нен. — «сокол») — вплоть до Усть-Порта, где Енисей делает два резких поворота почти под углом 90 градусов на восток и снова на север. Таким образом, основная масса ненецких топонимов остается на левобережье, а на карте правобережья появляются топонимы, соответствующие лексике и грамматике долганского и эвенкийского языков и множество палимпсестов. И это не удивительно, — следуя по карте вниз мы приблизились к границе Эвенкии и исторической области Затундра, предгорьям плато Путорана.

Обилие русских названий здесь также соответствует формированию геокультурного пространства. Этот район активно осваивался и казаками — сборщиками ясака, и русскими промысловиками, и рудознатоками — именно здесь в середине XIX века под Норильскими горами начали выплавлять медь, а в XX веке появился Норильский промышленный район. Фронтир, отделяющий район топонимов, происходящих из ненецкого языка, проходит именно здесь: самые южные топонимы на правобережье Енисея с формантом *-яха* находятся чуть южнее 70° с. ш., что вполне соответствует южной границе ареала передвижений этого самодийского народа вместе с домашними стадами северных оленей, приходящих с запада, с Ямала, на летовки в тундры Таймыра.

На юге Таймыра начинается и фронтир, отделяющий зону Затундры от всеобъемлющего присутствия эвенкийской топонимии: не только северные отроги плато Путорана, но и все плато (а оно имеет площадь 250 тыс. кв. км) изобилует топонимами эвенкийского происхождения. Именно с юга, с территории современных Туруханского и Эвенкийского муниципальных районов, веками следовали эвенки в летние тундры через перевалы и ущелья плато.

Но элементы глобального влияния эвенков на названия географических объектов современного геокультурного пространства Таймыра можно отследить и расшифровывая неочевидные по происхождению топонимы, какими являются палимпсесты.

Палимпсест — объемный термин, имеющий свою нишу и в культурной географии, и в топонимике. Исторически, изначально палимпсест обозначал лист пергамента, на котором слой за слоем, стирая за ненадобностью предыдущий, наносились новые записи. В географии культуры он показывает многослойность геокультурного пространства, в ономастике — видоизмененное в процессе взаимодействия носителей разных языковых групп первоначальное название географического объекта. При этом «топоним может и должен рассматриваться в фокусе модели “место как палимпсест”, как вербальное отображение геокультурного пространства» [1].

В данной работе мы используем лингвистический аспект палимпсеста, и на карте-схеме, представленной на рисунке 3, палимпсесты Таймыра выведены отдельно — они маркированы нейтральным серым цветом.

Рис. 3. Локализация топонимов-палимпсестов на Таймыре

На карте хорошо видно, что локализация топонимов-палимпсестов равномерно распределена по всему региону, за исключением севера. Это отражает активные процессы взаимодействия носителей разных языковых групп и разных культур, которые в конечном счете привели к процессам этногенеза. Благодаря этому сформировались три новых народа, два из которых — энцы и нганасаны — локально проживают только на Таймыре, а третий —

долганы — еще «захватил» пространство Якутии (ареала исторического проживания одного из народов, участвовавших в его этногенезе)².

Обратимся к отражению глобального влияния эвенков на геокультурное пространство Таймыра через палимпсесты, и, что важно, через палимпсесты, являющиеся названиями больших географических объектов.

Очевидно, что чем больше географический объект по абсолютной физической величине, тем раньше в исторической ретроспективе он был поименован субстратным населением, появившимся на территории. И тем большее количество раз он подвергался ассимилятивным изменениям в процессе взаимодействия представителей разных языковых групп. Речь идет о таких географических объектах, как горы Бырранга, плато Путорана, реки Енисей, Хатанга и др. Все они — палимпсесты, у каждого из них много различных трактовок с помощью разных языков, носители которых в то или иное время так или иначе осваивали территорию.

Для интерпретации геокультурного пространства Таймыра через его топонимию краеугольное значение играет взаимосвязь между малоизученностью региона и трансляцией поверхностных сведений, без верификации, в определении названий его географических объектов. Это, безусловно, негативный фактор. Например, в важной и нужной работе майкопских исследователей как пример того, что по географическим названиям можно определить внешний вид, признаки и свойства объектов, приводится неизвестно откуда взятая версия: «Название горы Бырранга на полуострове Таймыр происходит от нганасанского, что означает “горы, изрезанные долинами речек с большими обнаженными камнями и пространствами, покрытыми мхами и лишайниками”» [14].

Действительно, название Бырранга (не гора, а горы, горный массив) происходит в том числе и из нганасанского языка, где *бэру* — «гора». Но употребляется это слово скорее в значении «берег, край, обрыв, скала». Без понимания процессов, формировавших геокультурное пространство Таймыра, трудно заметить, что суффиксальное окончание *-нга*, в отличие от нганасанского языка, имеют топонимы эвенкийского происхождения. В таком случае, скорее всего, топоним Бырранга имеет отношение все же к эвенкийскому языку, а основа слова ассимилирована по звучанию.

То же касается и топонима «река Хатанга». Важно, что русские в начале XVII века впервые услышали название этого топонима через «К» — Катанга. Именно так назывались некогда и реки, расположенные южнее, — Нижняя Тунгуска и Подкаменная Тунгуска. Вероятно, продвигаясь на север, эвенки перенесли с собой и название этих достаточно больших рек, а как Хатанга — через «Х» — современный топоним стал звучать в процессе языковой ассимиляции. Тем не менее с эвенкийского языка ни Катанга, ни Хатанга

² Долгих Б. О. Происхождение долган // Сибирский этнографический сборник. Т. 5. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 92–141.

однозначно не переводятся, здесь тоже можно найти несколько соответствий от различных языковых основ, в том числе и от якутских. Но топоформант *-нга* все же представляется основополагающим.

Если мы обратимся к топониму Енисей, то увидим, что большинство исследователей сходится на выводе: палимпсест восходит к общетунгусскому *ионесси* — в значении «большая вода».

Таким образом, мы можем наметить пунктиром влияние эвенкийского языка на формирование топонимической картины всех крупных географических объектов Таймыра в первоначальном поименовании.

Фронтир, отделяющий эвенкийскую субъектность от тюркской (долганской), хорошо заметен далее на север от отрогов плато Путорана. Там мы все меньше и меньше встречаем эвенкийские топонимы. В долине реки Хатанги они и вовсе исчезают, так как в основе своей теперь встречаются географические названия, происхождение которых, без сомнений, выводится из других языковых групп. С восточной и западной сторон северных отрогов плато Путорана мы наблюдаем увеличение количества названий, происходящих из тюркской языковой группы, — от Пясины в сторону к плато Анабар (Якутия) — на восток, и на запад — в район Больших Норильских озер.

Что касается восточной части, здесь картина представляется достаточно очевидной — именно с востока на Таймыр стали заходить якуты в XVII веке. С приходом русских, вдоль южной части полуострова была создана инфраструктура, обеспечивавшая круглогодичную работу Хатангского тракта, и появилось, соответственно, оседлое население. Именно тогда начались ассимилятивные процессы, приведшие в конечном счете к возникновению молодого народа Таймыра — долганов.

Север Таймыра, несмотря на обилие красного цвета (напомним, этим цветом нами обозначены русские топонимы), также неоднороден, и хорошо заметен фронтир, зафиксированный бирюзовыми маркерами: он показывает взаимосвязь между географическими факторами и освоением территории.

Так, западные берега полуострова, омываемые Карским морем, уходящие абрисом в более южном направлении, чем восточные, уже имеют наличие топонимов с происхождением из нганасанского языка — самого северного народа, предки которого в XVII веке ушли за Пясины, а под воздействием молодого народа долганы сместились в более северные регионы Таймыра.

И чем западнее, тем больше палимпсестов, имеющих соответствия в нганасанском языке, а чем восточнее, тем «чище» нганасанские топонимы. Так, мы встречаем в географических названиях топоформанты *-бигай* (река) и *-турку* (озеро), а также *-тари* (приток) и др., плюс неискаженные основы, благодаря чему топонимы легко можно перевести на русский язык: Коды Бигай — Пересыхающая река, Саналы Турку — Чаячье озеро, Талбы Атари — Обрывистая протока и т. д. «Чистота» топонимов объясняется и тем, что процессы эти происходили уже в письменную и картографическую эпоху,

«переселение народа» зафиксировано, и на территории современного ареала присутствуют и топонимы, нанесенные на карту уже советскими картографами.

Самым пестрым в топонимическом отношении, где также сосредоточено большое количество палимпсестов, является, безусловно, район, который до 1930 года носил название Затундра. Это географическое название вернулось в широкое употребление после долгого забвения только в начале XXI века³. А вот в различных архивных документах и книгах, изданных в XVIII–XIX веках, название этой исторической области встречается часто и даже еще в начале XX века.

В 1925 году этнограф Л. Н. Доброва-Ядринцева так описала границы этой исторической области: «Затундра представляет из себя узкую полосу леса, ограниченную с севера Большой Тундрой, с юга — Илимпийской и с востока — Анабарской, простирающуюся, главным образом, по течению реки Хеты, левого притока Хатанги»⁴.

Затундра сформировалась как своеобразный оазис на юге Таймыра, где находятся наиболее благоприятные условия для жизни человека на севере Средней Сибири — зоны лесотундры и северной тайги. Именно здесь начиная с рубежа XVI–XVII веков стали оседать промышленные и служилые люди: Российское государство осваивало эти земли, ориентируясь на добычу пушнины — «мягкого золота», пополнявшего казну государства, и продвигалось дальше на восток.

Организация важной транспортной артерии — Хатангского тракта — стала точкой притяжения для представителей кочевых племен, которые начали концентрироваться в зимний период недалеко от хлебозапасных магазинов [13].

Вековой путь освоения севера Сибири, включавший в себя часть Мангазейского хода, пролегал по разным тундрам. Большую роль в формировании этого направления играл географический фактор. Круглогодичная навигация по Северному морскому пути, самому оптимальному пути из Европы в Восточную Азию и обратно, стала возможной только во второй половине XX века. Но чем дальше от теплых течений Атлантического океана, тем «ледовитее» становился Северный Ледовитый океан. Карские Ворота — пролив между Евразией и островами Новая Земля — являлся естественной преградой на этом пути: он практически всегда был забит льдом. Поэтому суда землепроходцев, отправляясь из незамерзающего Баренцева моря далее на восток, уходили по рекам и волокам через Обскую губу. Путь лежал по суше между реками Таз и Турухан — здесь путешественники попадали в бассейн реки Енисей, затем, через реки Дудинка (правый приток Енисея), Косая, два Вологачана (советские картографы одну из них переименовывают в Болгохтох) экспедиции

³ Стрючков С. А. Затундра: путевые заметки // Заполярный вестник, 2011, сентябрь. № 163, 168, 173.

⁴ Доброва-Ядринцева Л. Н. Туземцы Туруханского края. Новониколаевск, 1925. 84 с.: карт.

попадали в Норило-Пясинскую речную систему, далее — через реки Дудышта и Авам, по Авамо-Тагенарскому волоку — в Хатангскую речную систему.

Через Затундру проходит и вековой путь миграции северного оленя таймырской популяции. Вслед за оленем дважды в год уходили в аргиш представители тунгусских племен. Эти пути пролегли по проторенным тропам горного массива плато Путорана — с лесотундровой и северо-таежной территории сегодняшней Эвенкии. Как было показано выше, топонимия плато Путорана имеет в основном эвенкийское происхождение.

Начиная с конца XVII века с востока в район Хатангского тракта с его останочными пунктами — станками — стали заходить представители якутских родов. Их интерес в этом районе был экономический: на станках, где располагались хлебозапасные магазины, можно было выгодно сдать пушнину и приобрести взамен товары, которых остро не хватает в северных регионах Сибири и Дальнего Востока в силу отсутствия транспортных связующих артерий — это — порох, металл, соль, спички и многое другое. Поэтому на востоке Затундры, которая граничит с сегодняшней Якутией, наблюдается обилие топонимов тюркского происхождения.

На севере исторической области Затундра мы наблюдаем большое количество топонимов самодийского происхождения, а именно нганасанского. Представители этого народа, указывавшиеся в записках и документах мангазейских чиновников как «пясидская самоядь», в начале XVII века ушли за реку Пяси́ну [5] (ушли с запада Таймыра, откуда в основном на полуостров заходили самодийцы, тоже вслед за стадами северного оленя — приенисейской популяцией). Нганасаны еще до начала XX века тоже занимались оленеводством, на зимовку уходили в район Хеты и Хатанги — как раз в регион, где была создана транспортная инфраструктура Российского государства, Хатангский тракт.

Важно отметить, что на указанной территории не встречаются топонимы ненецкого происхождения, еще одного языка самодийской группы, представленного на Таймыре, что соответствует складывавшемуся геокультурному пространству — приенисейская группировка северного оленя, а вместе с ней и кочевые юраки в Затундру не заходили. Ненцы с домашними оленями стали появляться в районе Норильска уже в советскую эпоху — когда изменились, в соответствии с новыми условиями хозяйствования, колхозами и совхозами, территории выпаса оленей.

Таким образом, в Затундре, самой обитаемой части Таймыра, переплелась топонимия, основанная на разных языковых источниках — как минимум четырех: самодийских, тунгусо-маньчжурских, тюркских и восточнославянских. В таком плотном взаимодействии неизбежно появление и большого числа палимпсестов, что мы и наблюдаем по факту (см. рис. 3). У многих достаточно легко вычислить ассимилировавшиеся морфемы (это интегрированные палимпсесты — так мы определяем топонимы, чья морфология состоит из частей, относящихся не только к разным языкам, но и к разным языковым группам), а некоторые очень трудно трактовать. Тем не менее, если применять

подход с учетом исторических, географических и этнографических факторов, многие из палимпсестов Затундры поддаются расшифровке.

Показательными являются прочтения названия реки Болгохтох, которую некоторые трактуют как производное от долганского *болбуот* — «проводник», некоторые — от ассимилированного русского *волок*: именно здесь находился волок из Енисея в Пясину — по рекам Дудинка, Косая, озеро Боганида и т. д.

Весьма интересно, что в связи попытками распознать первоначальную субъектность топонима Болгохтох, значение слова *болбуот* у якутов — «подводная повинность», которую несли жители русских и якутских станков, начиная с прихода на эти территории Российского государства.

Как указатель волока, на этом участке существует еще один гидроним — река Вологочан. Это интегрированный палимпсест, и его в приблизительной трактовке можно перевести как «волочок» (в значении «небольшой волок») от русского слова *волок* и эвенкийского суффикса *-чан*, придающего слову уничижительно-пренебрежительное значение. В долганском языке слово *волок* ассимилировалось и превратилось в *балок*. По всей видимости, то же самое произошло и с названием реки Болгохтох, которая течет в этом же районе. Ее название на русский язык можно перевести как «волоковая река». Окончание *-тох*, скорее всего, ассимилированный долганский суффикс *-тоок* (как и другие: *-лаак*, *-даак*, *-наак*) формирует значение обладания свойством основы.

Носитель долганского языка А. А. Барболина приводит в числе прочих и трактовку на основе своего родного наречия: «На долганском языке *балдок* — валун; *балдоктоок* — имеющий валуны водоем (река, озеро)»⁵ (курсив мой. — Л. С.). Немаловажно, что названия на карту наносили носители русского языка.

Еще более пестрая картина предстает там, где расположена не только столица Таймыра — Дудинка, но и крупный современный промышленный центр — Норильск, или Норильский промышленный район. Если мы посмотрим на этот участок территории Таймыра в исторической ретроспективе, то увидим, что именно здесь благодаря ландшафту располагались наиболее удобные участки для волоков из одной водной системы в другую, например из Енисея в Пясину. Поэтому именно здесь проходили пути русских исследователей, сборщиков ясака, промышленников и других освоителей севера Средней Сибири.

Кроме того, по этим местам — по долине реки Норильской — исстари проходили миграционные пути аргишей из Эвенкии на летние пастбища в тундры Таймыра. Оленям тоже было удобно проходить речными долинами с наличием скального основания и пологими перевалами.

И картина в топонимическом плане представляется необыкновенно пестрой: в изобилии русские, долганские, эвенкийские топонимы. По насыщенности разнородных географических названий этот участок резко выделяется в общей картине западной части полуострова: помимо топонимов различных

⁵ Барболина А. А. Топонимика Таймыра. Дудинка, 2006. 96 с.

языковых групп присутствует большое количество палимпсестов, происхождение которых зачастую невозможно интерпретировать.

Покажем ожидающие исследователя сложности на примере даже не палимпсеста, а эвенкийского топонима Далдыкан: река с таким названием берет начало на вершинах Норильских гор. *Далды* означает «вкусный», даже более точно — «сладкий», а суффикс *-кан* придает основе уменьшительно-ласкательное значение. «Вкусненькая», «сладенькая», «вкусняшка» — именно так носители языка — эвенки, эвены и др. — переводят название реки не только у нас, но и по всей территории, где они издревле живут — вплоть до Охотского моря. Такое название заслуживали водотоки, по берегам которых находились ягоды, потому что именно ягоды для кочевого человека, чей рацион состоит в основном из мяса оленя и рыбы, являются единственными поставщиками и глюкозы, и фруктозы.

Но мы должны учитывать, что, во-первых, гидроним находится на территории исторически активного взаимодействия носителей минимум трех языковых групп — тунгусо-маньчжурской, тюркской и восточнославянской; во-вторых, названия заносились на карту уже советскими картографами, носителями русского языка. Ведь даже одна измененная буква в названии реки может поменять и смысл имени. Например, если первоначально имелся в виду не Далдыкан, а Долдыкан. И такой гидроним существует в Амурской области, где тоже распространены топонимы, произошедшие из тунгусо-маньчжурской языковой группы. Это название в вольной трактовке переводится как «еле слышимая», потому что *долды* означает «слышать», суффикс *-кан* в данном случае является уменьшительной формой качества предмета.

Именно такая описка произошла во время нанесения на карту названия порога на реке Рыбной (тоже в районе Норильского промышленного района): на картах он обозначен как Орон, хотя, безусловно, его изначальное звучание было через звук [а] — Оран. *Орон* в переводе с эвенкийского языка означает «олень» (домашний), а *оран* — порог на реке. Именно порог делает реку Рыбную непроходной для лодок и судов: если бы не это препятствие, можно было бы добраться по реке Норильской до озера Кета, что осуществимо для двух других из числа так называемых Больших Норильских озер — Лама и Глубокое.

Надо сказать, что на плато Путорана есть и река Оран — с написанием через «а». Она находится вне зоны наземного и воднотранспортного доступа, протекает по довольно обширной равнине самого плато. Туда и сегодня добраться проблематично — только на вертолете. Река эта знаменита живописным и мощным водопадом. В эвенкийском языке нет различий между понятиями «порог» и «водопад», поэтому перевести название реки Оран на русский язык можно и как «водопадная», и как «порожная».

Но вернемся к Далдыкану. Учитывая указанные выше факторы, можно перевести название реки, наоборот, как «хорошо слышимая», если она изначально звучала еще в одном варианте — *долдывган*.

Составитель «Словаря русской транскрипции эвенкийских и эвенских терминов...» Ф. К. Комаров выводит значение таких гидронимов от другого эвенкийского слова: *далдын* — «приток». Тогда Далдыкан, в адаптации к русскому языку, будет переводиться как «маленький приток»⁶.

В долганском языке тоже присутствует созвучный эвенкийскому суффикс *-каан*, который имеет такое же значение. А семантика долганской основы слова *далда* другая — «специальная загородка из досок для скрадывания дикого зверя во время охоты»: охотник прятался за преградой, накрытой сверху белым полотном (если это зима), и незаметно приближался к жертве на расстояние выстрела. Искажено могло быть и это первоначальное звучание.

С той же долей вероятности русские картографы могли исказить при написании и еще одно тунгусское слово — *дагалдын*. Тогда название реки можно перевести как «большой приток», нередко равный основной реке, до слияния с ним. Если мы обратимся к ландшафту местности, то действительно Далдыкан ненамного меньше реки Амбарной, в которую впадает.

Так подробно мы рассмотрели различные варианты расшифровки одного гидронима для того, чтобы показать, как важен в трактовке топонимов географический фактор. Река Далдыкан не «еле слышимая», и не «хорошо слышимая», а совершенно обычная по этим характеристикам река на пути миграционных аргишей. Также она не является и самым большим притоком Амбарной и т. д. А вот ягодники по берегам Далдыкана действительно были замечательные, даже еще в 70-х годах XX века, пока экологическая обстановка в этом районе позволяла и пока не был построен современный гигант цветной металлургии Надеждинский металлургический завод.

Кроме многочисленных палимпсестов, район Затундры, конечно, содержит и вполне понятные в отношении языковой принадлежности топонимы. Как правило, это менее значительные географические объекты и, по всей видимости, самые поздние по времени присвоения им имен и нанесения на карту — уже в XX веке, когда политически было определено пять коренных малочисленных народов для учета в новом административном образовании — Таймырском Долгано-Ненецком национальном округе, образованном 10 декабря 1930 года.

Показательным является и тот факт, что расположение подавляющего количества ойконимов относится именно к территории Затундры: из 28 здесь находится 21. Из них русское происхождение имеют 9 ойконимов, долганское — 2, палимпсесты — 10. Отдельно стоит отметить, что из всех ойконимов Таймыра субъектность ненецкого и нганасанского языков не имеет ни один (также обращаем особое внимание на критически малое количество этой категории топонимов на огромный регион, имеющий площадь, превышающую 400 км²).

⁶ Словарь русской транскрипции эвенкийских и эвенских терминов и слов, встречающихся в географических названиях Сибири и Дальнего Востока / сост. В. К. Комаров. М., 1967. 102 с.

Что касается остальных ойконимов, то они расположены на правобережье Енисея и имеют в основном русское происхождение: из семи — шесть, а один ойконим мы относим к палимпсестам. Это соответствует отражению геокультурного пространства — оседали в поселениях в основном русские, в наиболее благоприятной для этого области Таймыра. Перевод на оседлый образ жизни представителей кочевых народов начался в советский период, как правило на месте старинных поселений-станков, обслуживающих Хатангский тракт и речные сезонные промыслы.

Выводы

На конкретных примерах мы показали, что топонимия исследуемого района обладает своеобразными фронтальными характеристиками, по которым можно судить об историческом ареале того или иного народа, его заселении и освоении территории, а области с преобладанием палимпсестов иллюстрируют линии соприкосновения и взаимодействия — экономического, хозяйственного и любого другого — представителями разных языковых групп и культур — и совпадают с природными естественными преградами.

Немаловажным в формировании геокультурного пространства является не только присутствие тех или иных топонимов, но и их полное отсутствие. На примере Таймыра видно, что мы фиксируем факт полного отсутствия этого разряда топонимов на определенных территориях — именно там, где нет и не было возможности круглогодичного оседлого проживания в силу климатических факторов, труднодоступности и др.

Также стоит отметить, что сегодня постоянное проживание представителей пяти коренных малочисленных народов Севера хоть и отличается, но в основных чертах совпадает со сформировавшимся в процессе освоения Таймыра геокультурным пространством.

Так, с распадом советской системы хозяйствования, домашним оленеводством продолжили активно заниматься только ненцы, и сегодня они все дальше продвигаются на восток по причине исчезновения приенисейской популяции ДСО: как известно, ДСО уводит домашнего оленя, поэтому оленеводы стараются с ним не пересекаться.

Современное население Таймыра проживает в основном в поселках, в которых в той или иной степени представлены все из упомянутых выше этносов. Но на востоке все же преобладают представители нганасанского и долганского этносов, в западной части — ненецкого, а на юго-западе — энецкого. Компактно эвенки на территории Таймыра сегодня проживают в основном в поселке Хантайское Озеро — на самой южной границе геокультурного пространства Таймыра, по соседству с Эвенкией, около 300 человек.

Таким образом, топонимия региона является индикатором и отражением всех этапов освоения и заселения территории — во времени и пространстве,

а в конечном счете — сформированного этими процессами геокультурного пространства.

Список источников

1. Басик С. Н. Имя и место: топонимический палимпсест в геокультурном пространстве // Современные проблемы территориального развития. 2018. № 3. С. 1–15. EDN: XZTHBR.
2. Григорьев Ал. А. География культуры: учебное пособие. Москва, 2024. 372 с. ISBN: 978-5-534-14386-7. EDN: CQMAPE.
3. Григорьев Ал. А., Паранина Г. Н. Культурная география: шаг к истокам? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 7. Вып. 3. СПб., 2011. С. 60–72. EDN: OCRBUP.
4. Дьяченко В. И. Влияние Хатангского тракта на формирование долган как культурно-сложного общества // Znanstvena Misel, 2020. № 38-2 (38). С. 23–27. EDN: QRDGYA.
5. Дьяченко В. И. Пути и особенности колонизации русскими Таймыра // Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII – начало XX в.): сборник научных статей. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 68–123. EDN: VIRGFH.
6. Колпашиков Л. А. К вопросу о взаимоотношениях диких и домашних северных оленей // Ресурсы диких северных оленей Енисейского севера и их использование. Новосибирск, 1981. С. 43–47. EDN: ZBONBF.
7. Колпашиков Л. А., Бондарь М. Г. Современное состояние диких северных оленей таймырской популяции и перспективы сохранения // Современные проблемы природопользования, охотоведения и звероводства. 2022. С. 75–79. EDN: UBPOTN.
8. Малолетко А. М. Географические названия Хантайской гидросистемы // Вопросы географии Сибири. Вып. 14. Томск, 1983. С. 103–124. EDN: WJPTSL.
9. Малолетко А. М. Топонимика бассейна Б. Хантайского озера // Методы комплексных исследований сложных гидросистем. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 1980. С. 144–149. EDN: WIYDJ.
10. Малолетко А. М. Этимология нерусских географических названий // Природа Хантайской гидросистемы. Томск: Издательство Томского университета, 1988. С. 313–323. EDN: UYNGNS.
11. Русские люди на Таймыре в XVII–XVIII столетиях / П. Н. Барахович, Д. Н. Лысенко, Н. С. Степанов, М. В. Михайлова. Красноярск: ЛИТЕРА-принт, 2023. 112 с. ISBN 978-5-907558-53-3. EDN: CUVLTF.
12. Стрелецкий В. Н., Горохов С. А. Специфика и тенденции развития культурной географии в России в начале XXI века // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2022. Т. 86. № 3. С. 374–392. DOI: <https://doi.org/10.31857/S2587556622030141>. EDN: LSPWGS.
13. Стрючкова Л. Н. Затундринские крестьяне — старожильческое русское население Туруханского края // Культура. Наука. Производство. 2021. № 7. С. 75–80. https://doi.org/10.52978/26187701_2021_7_75. EDN: QLZZSO.
14. Туова Т. Г., Теучеж Ф. Д., Тугуз Ф. В. Современные методы усвоения географической номенклатуры с использованием топонимики в курсе «География России. Природа и население» в школе // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2024. Т. 16. № 1. С. 90–101. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-1-90-101>. EDN: CGWINJ.

References

1. Basik S. N. Name and place: Toponymic palimpsest in geocultural space. *Modern Problems of Territorial Development*. 2018;(3):1–15. EDN: XZTHBR. (In Russ.).
2. Grigoriev Al. A. *Geography of culture: A study guide*. Moscow, 2024. 372 p. ISBN: 978-5-534-14386-7. EDN: CQMAPE. (In Russ.).
3. Grigoriev Al. A., Paranina G. N. Cultural geography: A step to the roots? *Bulletin of St. Petersburg University. Series 7*. 2011;(3):60–72. EDN: OCRBUP. (In Russ.).
4. Dyachenko V. I. The influence of the Khatanga tract on the formation of the Dolgans as a culturally complex society. *Znanstvena Misel*. 2020;38-2(38):23–27. EDN: QRDGYA. (In Russ.).
5. Dyachenko V. I. Routes and features of colonization of Taimyr by Russians. Siberia in the context of the Russian model of colonization (17th – early 20th century): A collection of scientific articles. St. Petersburg: MAE RAS, 2014: 68–123. EDN: VIRGFH. (In Russ.).
6. Kolpashchikov L. A. On the relationship between wild and domestic reindeer. Resources of wild reindeer of the Yenisei North and their use. Novosibirsk, 1981:43–47. EDN: ZBONBF. (In Russ.).
7. Kolpashchikov L. A., Bondar M. G. Current status of wild reindeer of the Taimyr population and conservation prospects. *Current problems of nature management, hunting and fur farming*. 2022:75–79. EDN: UBPOTN. (In Russ.).
8. Maloletko A. M. Geographical names of the Khantai hydrosystem. *Questions of Geography of Siberia*. 1983;14:103–124. EDN: WJPTSL. (In Russ.).
9. Maloletko A. M. Toponymy of the B. Khantai Lake basin. *Methods of integrated studies of complex hydrosystems*. Tomsk: National Research Tomsk State University, 1980:144–149. EDN: WIYDJ. (In Russ.).
10. Maloletko A. M. Etymology of non-Russian geographical names. *Nature of the Khantai hydrosystem*. Tomsk: Tomsk University Publishing House, 1988:313–323. EDN: UYNGNS. (In Russ.).
11. Russian people on Taimyr in the 17th-18th centuries. Barakhovich P. N., Lysenko D. N., Stepanov N. S., Mikhailova M. V. Krasnoyarsk: LITERA-print, 2023. 112 p. ISBN 978-5-907558-53-3. EDN: CUVLTF. (In Russ.).
12. Streletsky V. N., Gorokhov S. A. Specifics and trends in the development of cultural geography in Russia at the beginning of the 21st century. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographical series*. 2022;86(3):374–392. <https://doi.org/10.31857/S2587556622030141>. EDN: LSPWGS. (In Russ.).
13. Stryuchkova L. N. Zatulundra peasants — the old-timer Russian population of the Turukhansk region. *Culture. Science. Production*. 2021;(7):75–80. https://doi.org/10.52978/26187701_2021_7_75. EDN: QLZZSO. (In Russ.).
14. Tuova T. G., Teuchezh F. D., Tuguz F. V. Modern methods of mastering geographical nomenclature using toponymy in the course “Geography of Russia. Nature and Population” at school. *Bulletin of the Maikop State Technological University*. 2024;16(1):90–101. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-1-90-101>. EDN: CGWINJ. (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the author:

Стрючкова Лариса Николаевна — член правления Клуба исследователей Таймыра, Норильск, Россия.

Stryuchkova Larisa Nikolaevna — Member of the Board of the Taimyr Explorers Club, Norilsk, Russia.

liss888@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-9086-0104>

Финансирование: исследование не имело финансовой поддержки.

Funding Statement: no funding was received for writing this manuscript.

Статья поступила в редакцию: 17.11.2025;
одобрена после доработки: 09.12.2025;
принята к публикации: 09.12.2025.

The article was submitted: 17.11.2025;
approved after reviewing: 09.12.2025;
accepted for publication: 09.12.2025.